

УДК 174:62-051

Игнатова Нина Юрьевна

д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры
гуманитарного образования
НТИ (филиал) УрФУ (Нижний Тагил)
E-mail: nina1316@yandex.ru

Ignatova Nina Ur'yevna

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Full Professor at Humanities
Chair, NTI (UrFU Branch) (Nizhniy Tagil)

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБРАЗ:
ВОЗМОЖНОСТИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ**

**OPPORTUNITIES
AND IMPLICATIONS
OF SOCIAL EXPERIMENTS**

Аннотация

Анализируются некоторые возможности и последствия проведения социальных экспериментов с человеческим образом. Описываются техники биовласти, технологии естественного отбора, биополитики. Экономическое развитие вызывает дифференциацию человеческих образов: паупер – пролетарий – заключенный концлагеря. Автор утверждает, что в любых социальных экспериментах человеческий образ выступает служебным понятием.

Ключевые слова: человеческий образ; биовласть; трансгуманизм; технологии естественного отбора; социальный эксперимент; образ жизни.

Abstract

The author analyzes some of possibilities and consequences of social experimentation with the human image. Techniques of biopower technology of natural selection, biopolitics are described. Economic development provokes the differentiation of human images: Pauper – Proletarian – Camp prisoner. The author argues that in any social experiments the human image appears as a service concept.

Keywords: human form; biopower; transhumanism; technology of natural selection; a social experiment; way of living.

Человек в социуме выстраивает свой образ в соответствии с существующими культурными нормами, эстетическими идеалами и нормативно значимыми антропологическими практиками. Человеческий образ трудно интегрировать в социальную систему, он просто не вмещается всеми своими гранями, сторонами в системный мир. Всегда остается то, что различными мыслителями рассматривается как следствие взаимодействия человека с трансцендентным. Тем не менее такие попытки неоднократно предпринимались и предпринимаются в настоящее время. Стремление интегрировать человеческий образ в социальное пространство можно назвать социальными экспериментами.

В подобных социальных экспериментах используются техники биовласти. Смысл понятия биовласть (М. Фуко) не устоялся, не обрел логической однозначности. Однако сейчас уже можно говорить, что его суть составляет способность социума нормировать и регулировать биологические отправления отдельных индивидуумов. Зарождение и развитие феномена биовласти происходит там и тогда, где и когда в социальной истории впервые появляется интерес к политическому использованию человеческого тела, где оно обособляется в роли индивидуализированного объекта надзора, тренировки, обучения и наказания. Биовласть в Античности воплотилась в культ тела и запрет на существование людей, чей внешний облик нарушал культурную норму. В период Средневековья биовласть принимает форму «власти над смертью».

В других случаях в социальных экспериментах используются технологии естественного отбора. К технологиям естественного отбора относят эндогамный и экзогамный браки, инцест, близкородственные браки, запрет на межрасовые браки. Достаточно давно были установлены генетические последствия близкородственного смешивания – наследственные заболевания, мутации и отклонения в человеческом образе, поэтому запрет на инцест постепенно закрепился в качестве сакральной нормы. Однако в Испании эпохи мавританского завоевания VIII–XIV вв. близкородственное смешивание использовалось сознательно. Суть эксперимента можно сформулировать как эндогамный запрет на брак между испанцами и маврами, а результатом считать особую бледность кожи и субтильность тела, которые трактовались как признаки аристократизма, «голубой крови». Эндогамные и экзогамные браки иногда интерпретируются как технологии сохранения «чистоты крови» (королевские дома Европы, сикхи в Пакистане, кшатрии в Индии и т. п.).

Современная Америка представляет собой пример гибридизации населения, появления новых, неизвестных ранее межрасовых гибридов. Запрет на межрасовые браки – острая проблема в Северной Америке на протяжении двухсот лет. Р. Фрэйер в исследовании «Тенденции межрасовых браков в XX веке» описал некоторые тенденции в брачных отношениях, существовавшие в Северной Америке [11]. В конце XVII века рабство в южных штатах США было заменено на так называемую «службу по договору». Чернокожий работник обязывался проработать на своего хозяина 4–7 лет без денежных выплат, только за еду и жилье. Это привело к тесному трудовому контакту белых и черных, иногда – к сожительству. В XVIII в. появились первые законы против расового смешения (*anti-miscegenation laws*), которые запрещали браки и любые сексуальные отношения между представителями белой и черной рас. Если смешанные браки с индейцами и латиноамериканцами не запрещались, то впоследствии были введены законы о недопущении рождения метисов от браков с китайцами, японцами и филиппинцами. В настоящий момент признано, что эти и подобные им социальные эксперименты представляют собой крайнюю сегрегацию и расизм.

В обычных условиях вне социального экспериментирования чужеродный генетический материал уничтожается, например с помощью эпидемий. Но если ситуация резко изменяется с точки зрения геохимии или образа жизни, то смешанные семьи со своим потомством получают более широкие возможности для выживания и приспособления к новым условиям. Речь идет о том, что пропорции человеческого тела определяются геохимическими показателями, количеством потребляемых микроэлементов, так же как и набор основных генетических отклонений. Большой нос – не обязательно генетический фактор, в некоторых случаях – это ландшафтный фактор. Ландшафт действует на отбор определенных человеческих типов не только через стандарты питания (количество животного протеина, время и порядок его использования, обыкновенная питьевая вода), но и через повышенное или пониженное атмосферное давление. Скажем, длина ног зависит сугубо от питания и занятий спортом. Обычно невысокие и худые японцы и китайцы становятся высокими и толстыми, если в детстве их кормят не морепродуктами с рисом, а мясом и хлебом. Биологи используют понятие «геопопуляция» – относительное обособление части народа в определенном ареале. Не существует единого биологического стандарта для какого-либо народа: евреи, немцы, русские состоят из нескольких геопопуляций.

Насколько применение принципов гуманистической этики способствует или препятствует сохранению человеческого образа? Культурная норма эпохи Античности, когда мать или родственники обязаны были убить мутировавших потомков, «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку» (шестипалые дети, сиамские близнецы, дети с заячьей губой), сегодня отброшена либеральными установ-

ками. Врачи вынашивают детей – носителей практически любых субвитаальных мутаций. Как следствие, мутировавшие гены распространяются все шире и шире. Если Ф. Гальтон мечтал о евгенике как технологии улучшения наследственной конституции человека и устранения вредных наследственных признаков, то сегодня стерилизация носителей неблагоприятной и патологической наследственности, подбор супружеских пар некоторым кажутся недостаточно эффективными. Пришедшие им на смену технологии пренатальной и предимплантационной диагностики, генотерапии, клонирования потенциально более легко адаптируемы (в разной степени) к действующим системам ценностных приоритетов и этических нормативов.

Люди ведут разный образ жизни и вследствие этого обладают разным телесным образом. Греки открыли и закрепили связь между образом жизни и человеческим образом. Платон выделяет созерцательный образ жизни философа (*bios theoreticos*), жизнь для наслаждений (*bios apolausticos*), государственный образ жизни (*bios politicos*). Аристотель связывает между собой образ простой жизни с идеей блага. Отдельно Аристотель описывает жизнь, полную тягот, – это другой образ жизни и другой человеческий образ. Сегодня использование понятия *bios* в аристотелевском смысле, по крайней мере в европейской культуре, несет на себе отпечаток понятий, соотносимых с христианской трактовкой человеческого образа, – достоинство, порядочность, честь, справедливость. Значимым является оттенок прекрасного, эстетическое восприятие формы человека, его тела. Поддерживаемое христианством представление о том, что у всех, по крайней мере христиан, единый человеческий образ спровоцировало появление концепций универсальности человеческой природы и способностей, единства законов истории, принципов экономического развития, технологической составляющей различных обществ и культур и утопические мечтания о справедливом обществе.

На протяжении тысяч лет люди в основном жили жизнью, полной тягот. В VIII–XIV вв. различия в образе жизни благородных и простецов в Европе были неприципиальными, противопоставление двух образов жизни воспринималось как редкое исключение [4. С. 142–167]. Промышленная революция все изменила. Возникли полюса бедности и богатства, вызвавшие дифференциацию человеческих образов. К. Поланьи показал, что в Англии в XVI–XVIII вв. прежде единый образ жизни членов церковной общины был уничтожен имущественным расслоением [6]. Община сопротивлялась, пытаясь сохранить прежние ценности и отношения обязательными отчислениями в пользу бедных соседей («Закон о бедных» 1536 г.). Моральные принципы гармонии и конфликта были втиснуты в схему, поражающую своей противоречивостью. Благие намерения привели к ужасающему результату: сформировался слой пауперов. Буквальное воплощение в жизнь библейских заповедей привело к экономическому упадку целых районов, поскольку отменило материальную заинтересованность неработающих людей. Как следствие, единый человеческий образ дифференцировался. Образ паупера оставил столь же глубокий след в общественном сознании, как и революция 1789 г. Этот образ всецело определял любые теоретические или политические дискуссии того времени, он стоял перед глазами Мальтуса, Рикардо, Спенсера, подстегивал фантазии Маркса, Оуэна, Прудона. Надежда уйти от ужасов пауперизма воплотилась в концепцию социального прогресса, как мечта о вечном совершенствовании выступила из кошмара повседневности и страданий. Отчаяние стало не менее сильным фактором трансформации общества, нежели технический прогресс.

Только отмена Закона о бедных в XIX в. обеспечила Англии бурный экономический подъем. На смену нищему и принципиально не работающему пауперу пришел *homo laborans* (человек работающий). Прежде единая социальная группа бедных людей распалась на социальных трутней – пауперов и трудящихся – про-

летариев. Образ униженного человека «на дне» сменился образом встающего с колен пролетария. Если пауперы – буквально отбросы общества, не помышляющие ни о чем, кроме «жизни на дармовщину», то работающий человек обладает честью и достоинством. Только источник этих чести и достоинства иной – не знатность происхождения, а самость и индивидуальные способности человека, его Я. Гордость аристократов крови сменяется гордостью аристократов духа. И на смену просто человеку спешит сверхчеловек. Ницше широко открыл двери для различных социальных экспериментов, и они не замедлили последовать.

Осуществление властью права на смерть сопровождалось массовыми бойнями на фронтах двух мировых войн, этническими чистками, лагерями смерти. Фуко показывает, что старый тезис военных «если ты хочешь жить, нужно чтобы другой умер» начинает функционировать совместимым с биовластью способом: «Чем больше низшие породы будут исчезать, чем больше аномальных индивидов будет исключено, тем меньше вырожденцев будет существовать в роду, тем больше я – не в качестве индивида, а в качестве рода – буду жить, буду сильным, буду бодрым, смогу размножаться» [9. С. 152].

Можно смело утверждать, что XX век – время безумных социальных экспериментов по массовому изменению человеческого образа. Эти эксперименты проводились в концлагерях, где человека делали частью живой биомассы. Достигалось это соблюдением некоторых правил: занятием бессмысленной работой, отдачей взаимоисключающих приказов, введением коллективной ответственности. Биомассой легко управлять, она не вызывает сочувствия, ее легче презирать, и она послушно пойдет на убой.

Концлагерь – отчетливый образ закамуфлированного ада, в котором живет множество народов. По мнению Сартра, нет никакого различия между нормальным режимом эксплуатации человека человеком и лагерным режимом. Возможно, именно этим объясняются современное увлечение хоррором и экстримом, пристальное внимание массовой культуры к «живым мертвецам» и зомби, – в них угадываются фигуры концлагерной жизни.

Большевизм и нацизм стали предельным выражением парадоксального синтеза суверенного права на убийство и биовласти над жизнью. Они не только провозгласили смерть других народов смыслом жизни своих граждан, но и свой народ поставили в экстремальную ситуацию постоянной опасности. Последняя в нацизме понималась как очистительная процедура преобразования немцев в подлинную расу господ, а в большевизме – как чистка общества от классовых врагов в условиях диктатуры пролетариата.

Когда человеческое достоинство ставится под вопрос, это вызывает почти что биологическое отстаивание принадлежности к человеческому роду, утверждали другие, пережившие концлагеря, писатели В. Шаламов, А. Солженицын, В. Франкл, Б. Беттельхейм. Поэтому закономерен вопрос французского писателя Р. Антельма: человек ли это все сделал? [3]. Р. Антельм делает вывод, что образ заключенного концлагеря вырастает из образа пролетария. Чем больше общество искусственно модулирует условия существования пролетариата, тем скорее оно придет к миллионам заключенных концлагеря. Цепочка образов «паупер – пролетарий – заключенный» – не трагическое отклонение от прямого маршрута человечества, а констатация условий, в которых мы живем.

Социальные эксперименты с человеческим образом остро поставили вопрос о гуманизме. Что бы нам ни говорили о гуманизме, нельзя забыть, что в XX веке образ человека был бесповоротно обезображен. «Отныне образ человека, – указывал Ж. П. Сартр, – неотъемлем от газовой камеры» [7. С. 78]. Палач мнит себя человеком, а все его жертвы являются недочеловеками. Это значит, что бесчеловечность человека заключена в так называемой человечности.

Р. Агамбен – тот автор, для которого важнейшей стала тема гуманизма в XXI в. Дифференциация человека на человеческое/нечеловеческое (бесчеловечное) так или иначе воплощается в политическом таким образом, что нечеловеческое становится врагом человеческого.

Идею биовласти Агамбен трактует следующим образом: у греков существовали два слова для обозначения жизни – *зоэ*, означавшим сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и *биос*, указывавшим на правильный способ или форму жизни индивида либо группы. Способ, или форма, жизни – это и есть ее природный образ, который воплощен в дихотомии «голового» и «одетого». «Голая» жизнь обладает в западной политике парадоксальной привилегией – на ее исключении люди основывают свое государство. Происходит вытеснение голого на периферию благополучия, противопоставление голого и одетого. Казалось бы, так и должно быть, но политическое раздирает самого человека на открытое (голое) и сокрытое (одетое). «Голое» становится врагом одетого человека, исключается из благополучной и счастливой жизни. Поскольку современный человек исключает из себя голую жизнь, он навсегда связан с ней, делает вывод Агамбен [2. С. 79].

Другим фактором, предопределившим расщепление прежде единого человеческого образа в XVII–XVIII вв., стали техники власти, ориентированные на индивидуальное тело. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» перечисляет новые инструменты дисциплинирования, с помощью которых власть меняет индивидов, воздействуя на их образ. Это распределение индивидуальных тел в пространстве, в местах так называемой «дисциплинарной монотонности» – казармах, колледжах, мануфактурах, рабочих домах, тюрьмах; дрессура и муштра, призванные одновременно увеличить экономическую полезность тела и его политическую «послушность»; непрерывное наблюдение за человеком (принцип «паноптизма»); экзамен, позволяющий классифицировать индивидов и помещать их на различные иерархические уровни социальной структуры. Развитие капитализма не было бы возможно без дисциплинарного контроля, создавшего при помощи соответствующих техник необходимые ему «послушные тела».

В лекциях «Нужно защищать общество» Фуко отмечал, что все изученные им дисциплинарные техники XVIII–XIX вв. дополняются в XX в. совершенно новыми технологиями, совокупность которых он называет биополитикой. Суть биополитики можно свести к следующему: во-первых, объектом воздействия биовласти выступает не индивидуальное тело, а все население. Во-вторых, биополитика имеет дело с коллективными и серийными феноменами, поэтому Фуко использует слово «массифицирующая». В отличие от индивидуализирующей дисциплинарной власти, «анатомо-политики» человеческого тела, «массифицирующая» биополитика обращена к человеку как таковому, к множественности людей, составляющей «глобальную массу, подверженную общим процессам жизни, каковы рождение, смерть, воспроизводство, болезнь». В-третьих, основная задача биовласти – не изменение отдельных феноменов, а «оптимизация» жизни на глобальном уровне, изменение отношения к смерти. Следствием этого оказывается нечто вроде анимализации человека, осуществляемой посредством тончайших политических технологий. Вывод значителен: биополитика предельно расширяет границы человеческого образа и, одновременно, предельно сужает возможности человека самому определять свой образ. Биовласть в эпоху генных технологий, изменив форму, становится тотальной по существу. Она не противостоит конкретному индивиду и не поддерживает его, она окружает и пронизывает соматическое бытие в главном и в мелочах. «Государство рассекает тело», – восклицает Агамбен. Это и есть анимализация человека, которая реализуется посредством электронной кар-

тотеки, цифровых отпечатков пальцев и сетчатки, подкожной татуировки, встроенных чипов.

Непосредственным проявлением биополитики является «дисквалификация» смерти, превращение ее в табуированный объект. Теперь, когда власть берет на себя ответственность за жизнь в целом, смерть перестает быть феноменом, в котором эта власть может себя проявить. Больше нет публичности и пышности ритуального образа смерти язычников, смерть становится массовой и поэтому, с одной стороны, обретает характеристики банальности зла (Х. Арндт), а с другой – являет себя анонимно. По-прежнему смерть выступает предельным образом жизни. Эту предельность образа специально фиксируют бальзамированием, посмертными масками, раскрашиванием лиц, облачением в похоронную одежду. Смерть фиксирует момент ускользания от власти и распада жизненного образа, но обретения человеком посмертного образа.

В конце XX в. на волне критики антропоцентризма стало популярным новое мировоззрение – трансгуманизм. Ф. Фукуяма называет трансгуманизм «самой опасной в мире идеей» и потенциальным геноцидом. Речь идет об осмыслении техники как продолжения человеческого существа. Одна из разновидностей трансгуманизма предстает в виде футуристических построений о киборгах и прочих гибридных формах существования разумных существ или будущей эволюции человека через симбиоз с техникой (киберпанк). Действительно, человек окружен техническими протезами, без которых он уже не может существовать. Его память получает продолжение в различных технологиях записи и документации, органы чувств – в оптических и акустических приборах, не говоря уже о приборах, регистрирующих совершенно недоступную человеку информацию. Его руки получают продолжение в инструментах, ноги – в транспортных средствах. Таким образом человек погружается в технологическую среду и становится ее интегрированной частью. Технологическое расширение человека очень велико – от искусственных органов, клонирования до компьютеров. В своем самом радикальном и полуфантастическом виде техноинтеграция перерастает в фантазии технотел, разнообразных киборгов и т. д.

С другой стороны, речь идет о том, что человек является частью природы, которая лишь постепенно, эволюционно выделилась из нее и приобрела самосознание. Об этом когда-то много говорили немецкие романтики, в частности Ф. Шеллинг. Соответственно человек с такой позиции рассматривается не как нечто автономно-изолированное от природы, но лишь как часть большого органического мира. Это направление в последнее время приобрело характер так называемой «зоонтологии», снимающей радикальное онтологическое различие между человеком и животным. Представлено оно и в разных вариантах «экологической философии».

В ряде исследований зоопсихологов утверждается, что социальные трансформации человеческого образа фундируются частотой появления соответствующих генов. Особенности японского национального характера – эмоциональная сдержанность и стремление к ослаблению эмоциональной напряженности в межличностных контактах – обусловлены, вероятно, высокой частотой встречаемости одного из аллелей гена, контролирующего рецепцию серотонина. Сама же эта особенность японского генофонда имеет социокультурное объяснение – сильное давление отбора на интеграцию индивида в жесткую систему социальных связей. Западная (техногенная) цивилизация сочетает в себе черты другого культурного архетипа. Очевидно, и возникла она в результате столкновения и интеграции в единую биосоциальную систему земледельческих и пастушеских культур. Именно в результате этого могла возникнуть качественно новая адаптивная стратегия, которую можно назвать стратегией устойчивой экспансии. Сочетание консерва-

тивно-охранительных элементов земледельческой цивилизации с агрессивнo-ассимиляторскими «культургенами» пастушеских племен сформировало систему социокультурного гомеостаза, основанную на согласовании противоположно действующих факторов. Логика отношений с иными племенами и средой обитания в целом оказалась инвариантом, обеспечивающим выживание западного человека в условиях, когда природные ресурсы и возможности самовосстановления биосферы еще значительно превосходят человеческие потребности. При этих условиях природные опасности и социальные риски преодолеваются в результате дальнейшего расширения и углубления познавательно-преобразовательной деятельности человека во времени и пространстве [5].

В начале XX века В. Зомбарт использовал аналогичные идеи в своем анализе генезиса буржуазно-капиталистической цивилизации. Человек Средневековья (XII–XIV вв.) не проявлял особой заинтересованности в накоплении денежных средств: сколько человек расходовал, столько он и должен был заприходовать. Произшедший в XV в. перелом, прежде всего во Флоренции и других областях Италии, был обусловлен, по мнению В. Зомбарта, не столько религиозными или экономическими трансформациями, т. е. действием социальной среды, сколько наличием биологической предрасположенности, «унаследованной от предков». Он полагал, что существуют личности двух типов: «предприниматели» – более приспособленные к капиталистической экономике люди, завоеватели по натуре, первооткрыватели, склонные к рискованным предприятиям; и «торгаши» («мещане»). Существование этих типов личности, как в индивидуальном, так и в групповом отношении, предопределено генетически и представлено двумя формами альтернативного поведения.

Эти два направления трансгуманизма порывают с прежним человеческим образом и предлагают два противоположных по своему пафосу вывода. Один вывод ведет к интеграции в «биосферу» (В. Вернадский). Человеческий образ расплывается до границ видимого космоса, человек превращается в некое звездное существо («вселенский человек» Р. Брэдбери, «люден» Стругацких). Философской основой такого взгляда служит пантеизм.

Другой вывод пытается радикально изъять человека из природы и поместить его в сферу тотально искусственного. Впрочем, эти два противоположных по своему духу направления смыкаются. Позиция биологического трансгуманизма внутренне противоречива. Человек мыслится в соотношении с некоей внешней силой, тотальной целостностью, природой или рациональностью. Описать отношения человека с этими сущностями можно, только заняв позицию внешнего наблюдателя по отношению и к этим сущностям, и к человеку. Однако как только мы начинаем обрисовывать положение человека, мы уже занимаем человеческую (гуманистическую) позицию. Технологический трансгуманизм не так противоречив. Мы не можем себе представить полного растворения человеческого образа в машине и наоборот. Между машиной и человеком всегда существуют сложные отношения, отношения нарушенного континуума, которые делают возможным своего рода параллакс, смещение угла зрения. Мы всегда видим машину смещенно через себя, как продолжение самих себя.

Напряжение между техникой и человеком, по мнению французского мыслителя середины XX века Ж. Симондона, необходимо для процесса взаимной детерминации, дополнительности (индивидуации). Симондон заметил, что между машиной и человеком должно быть отношение асимметрии, иначе либо машина станет рабом человека, либо человек рабом машины [8]. Симондон утверждал, что человек – незавершенное существо, и его образ может стать законченным только тогда, когда человек соединится с машиной.

Таким образом, будучи служебным понятием прежних эпох, позволяющим каждой из них выразить что-то особо значимое, человеческий образ в современную эпоху, вопреки мечтаниям просвещения и романтизма, сохранил свое служебное значение, став знаком размежевания богатства и бедности, превратился в цель и инструмент биовласти, в символ тотального закабаления человека техникой.

Литература

1. Агамбен Дж. Если государство рассекает твоё тело // ГЕФТЕР. – 2013. – 16 февраля. – URL: <http://gefeter.ru/archive/7525> (дата обращения: 9.01.2014).
2. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М. : Изд-во «Европа», 2012.
3. Антельм Р. [Хлеб] Фрагмент книги «Род человеческий». – URL: https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Rober_Antelm_Hleb.txt (дата обращения: 21.06.2014).
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – М., 1986.
5. Козлов А. И. «Пища людей». – Фрязино : Век 2, 2005. – С. 149–163.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. Н. Васильева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2002.
7. Сартр Ж. П. Тошнота. – М., 2003.
8. Симондон Ж. О способе существования технических объектов. – URL: <http://litbook.ru/article/266/> (дата обращения: 1.03.2014).
9. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999. – Разд. 3 : Дисциплина.
10. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж Франс в 1975/76 учебном году / пер. Е. А. Самарская. – СПб. : Наука, 2005.
11. Fryer R. G. Jr. Guess Who's Been Coming to Dinner? Trends in Interracial Marriage over the 20th Century // Journal of Economic Perspectives. – 2007. – Vol. 21(2). – P. 71–90. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles.php?doi=10.1257/jep.21.2.71>